

Памятник нерукотворный

(Из сборн. памяти В. Ф. Коммиссаржевской).

Что-то прекрасное грубо разрушено..
Чистое, легкое пламя потушено
Чьей-то жестокой рукой.
Гдѣ ты такъ рано во мракѣ пропавшая,
Ясной звѣздой намъ тихо сиявшая
Въ грустной пустынѣ мірской?..
Горе не прошено, горе не мѣряно —
Но дорогое навѣки утеряно:
Кто не оплачетъ тебя?..
Кто надъ тобою слезы не уронитъ,
Кто головы молчаливо не склонитъ,
О невозвратномъ скорбѣ?..
Если, быть можетъ, душа твоя нѣжная
—Если не все—пустота безнадежная,
Смотритъ на насъ съ высоты,
Если ты видишь, какъ скорбью мы ранены,
Какъ мы слезами тоски отуманены—
Плачь же надъ нами—и ты.
Надъ сокрушенными, осиротѣвшими,
Не досказавшими ласковыхъ словъ..
Кто осияетъ насъ сказкою лунною?..
Арфой кто зазвучитъ многострунною,
Чуда надъ нами развѣетъ покровъ?..
Холодно... пусто... Затерянность жуткая..
—Какъ жемогла ты, ты, нѣжная, чуткая—
Такъ безпощадно уйти?
Сломана чистая бѣлая лилія..
Горьки печальныя слезы безсилія..
—Прощай и прости!

Т. Щепкина-Нуперникъ.

Изъ писемъ В. Ф. Коммиссаржевской.

...«Только съ чистой душой можно творить
арко»...

...«Надо жить, творить и любить, любить
все и вся, найти въ этомъ все и вся то, что
надо любить и отдавать ему душу всю, не
тратя ей ни на что мелкое, ненужное, высасывающее силы изъ души»...

Вѣра Федоровна о себѣ.

...«Я не скверная, но во мнѣ есть что-то
проклятое»...

...«Мнѣ сейчасъ умереть хочется, только

чтобъ не умирая, а прямо исчезнуть. Впрочемъ, это пройдетъ, и такъ же горячо буду жить хотѣть. Это громадное, непоправимое — существованіе такихъ людей, какъ я. Это вполне сознательная фраза»...

...«Что мнѣ дѣлать? во мнѣ какая-то лихорадка сидитъ, все хочется скорѣе успѣть взять, схватить, понять»...

...«У меня такъ много интересовъ, кромѣ театра, что-то новое, что я чувствую въ воздухѣ, въ звукахъ голоса нѣкоторыхъ людей и еще не разобралась, что это такое, и хочу жадно разобраться, узнать, понять, пока еще молода, пока кое-какія силы въ душѣ есть».

...«Я всѣхъ люблю любовью души моей и эта любовь жаждетъ самопожертвованія».

Изъ писемъ А. П. Чехова къ В. Ф. Коммиссаржевской.

Моя Чайка идетъ въ Москву уже 8 разъ, театръ всякій разъ переполненъ. Говорятъ, поставлена пьеса необыкновенно, и роли знаютъ отлично. М. И. Писаревъ, кончивъ пьесу, сказалъ, что въ сосѣдней комнатѣ лопнула «бутылка» — и публика смѣялась; московскій исполнитель сказалъ, что лопнула стеклянка съ эфиромъ — и смѣха не было, все обошлось благополучно. Какъ бы ни было, писать пьесы мнѣ уже не хочется. Петербургскій театръ излечилъ меня.

Зачѣмъ Вы все болѣете? Отчего не лечитесь серьезно? Вѣдь болѣзнь, особенно женскія, портятъ настроеніе, портятъ жизнь, мѣшаютъ работать. Я вѣдь докторъ, я знаю, что это за штуки.

Вы пишете, что имѣете успѣхъ; мнѣ это извѣстно, я радуюсь и въ то-же время мнѣ досадно, — досадно, что не приходится видѣть Васъ. Вы правоскодная артистка, только

жалъ, что нѣтъ у Васъ подходящаго entourage'a, нѣтъ театра, нѣтъ товарищей. Вамъ бы хотѣ въ Москву, въ Малый театръ. Тутъ все-таки больше на искусство похоже и между артистами не мало хорошихъ людей! Въ Москвѣ Вы имѣли бы громадный успѣхъ, вообразить даже трудно.

Милая Вѣра Федоровна, на Ваше письмо я хотѣлъ дать Вамъ отвѣтъ устный, такъ какъ сильно рассчитывалъ быть въ Петербургѣ, но кое-какія обстоятельства не пустили меня туда, и вотъ я пишу. «Три сестры» уже готовы, но будущее ихъ, по крайней мѣрѣ ближайшее, покрыто для меня мракомъ неизвѣстности. Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю — неудобная, потому, что въ ней, напримѣръ, 4 героини и настроеніе, какъ говорятъ, мрачнѣе мрачнаго.

Вашимъ артистамъ она очень и очень бы не понравилась, если бы я послалъ ее въ Александринскій театръ. Какъ ни какъ все же я пришло ее Вамъ.

Вы видѣли мою жену, а я увижу ее только весной. То она больна, то я въ отъѣздѣ, и такъ у насъ ничего не выходитъ по настоящему.

Вы пишете:.... «иду съ той вѣрой, которая, если разобьется, убьетъ во мнѣ...» и т. д. Совершенно справедливо, Вы правы, только, ради Создателя, не ставьте этого въ зависимость отъ новаго театра. Вы вѣдь артистка, а это то же самое, что хорошій морякъ: на какомъ бы пароходѣ, на казенномъ или частномъ, онъ не плавалъ, онъ всюду — при всѣхъ обстоятельствахъ остается хорошимъ морякомъ.

Юмористическій случай.

В. Ф. любила вспоминать о юмористическихъ случаяхъ, приключавшихся съ нею во время провинціальныхъ ея гастролей.

... Однажды въ нее отчаянно влюбился одинъ южный помѣщикъ, страшный урокъ и великая, но истинный поклонникъ всего прекраснаго. Влюбился — и баста! Ничѣмъ

не можетъ его отвести, — преслѣдуетъ ее повсюду. Наконецъ, — кажется дѣло было въ Баку, — она уѣзжаетъ, гастроли кончились. На прощанье онъ клянется сдѣлать для нея все, что пожелаетъ. Она въ шутку предложила: «—У меня въ Петербургѣ свой театръ. Будьте его пайщикомъ. Внесите тысячу 20...» Помѣщикъ принялъ шутку за чистую монету: «—даю слово, какъ только вы мнѣ напишете, я приплю вамъ чекъ...» Прошло дѣло. Сезонъ открылся. Очень нужны деньги.

Случайно вспоминаетъ помѣщикъ: не заняли у него подъ вексель съ поручительствомъ? — И пишетъ... Вскорѣ съ юга получаетъ письмо. Конечно, отвѣчаетъ согласіемъ ея вѣрный рыцарь! Обрадовалась страшно — достала деньги! Письмо вскрыто, она читаетъ: «Милостивая Государыня. Мой мужъ... влюбился въ васъ... вы разбили мою семейную жизнь... и хотите, чтобы я разорилась... запрещаю вамъ разъ на всегда обращаться съ подобными дикими просьбами»....

— Каково-же было мое положеніе — вы и представлять не можете! — съ ужасомъ говоритъ Вѣра Федоровна, и хохочетъ какъ маленькая дѣвочка, понапавшая впросакъ...

В. Ф. Коммиссаржевская.

Во многомъ, что теперь написано о Коммиссаржевской, можно прочесть, что была у нея тяжелая судьба, что тяжело ей было жить и что смерть ей страшная. Жить ей было дѣйствительно трудно, — и не отъ личныхъ вещей, и не отъ неудачъ съ театромъ, и не отъ скитаній въ театральныя шѣбдахахъ. Всѣ эти вещи — и личные и театральныя — все это тяжести, подобныя которымъ несуть всѣ люди на землѣ, несуть и переносятъ. Жить Коммиссаржевской было трудно и страшно потому, что сходилъ къ ней, — какъ въ мы, слабой и смертной, — нѣкій духъ, вѣщающій который странно смертнымъ на землѣ. И когда онъ, овладѣвъ ею, отлеталъ, оставлялъ ее, чтобы снова притти — вся жизнь вдругъ должна была утасать для нея сразу, все земныя радости,

— а она любила земную радость и тянулась къ ней. И становилась она тогда (въ недавніе послѣдніе годы своей жизни, когда я могъ наблюдать ее) померкшая, похолодѣвшая, забивалась въ уголь, кутаясь въ бѣлый шушунъ, на плечахъ съ серебрянымъ шитьемъ и золотыми камнями (тогда, въ которомъ она снята на многихъ портретахъ), и сидѣла тихо. Вся она тогда дѣлалась маленькая, все въ тухли глаза, лицо собиралось въ маленькія морщинки. Я рѣдко наблюдалъ такую степень утомленія, душевной вялости, отвращенія жизни.

Но никогда я не видалъ и такого чудеснаго преображенія, какое могла испытывать Коммиссаржевская, будто бы «такъ», безъ всякаго повода, въ рядовые будничные свои дни. Все въ ней вдругъ измѣнялось, загоралось, просвѣтлялось, и становилась она юнге самой юности и прекраснѣе самой красоты. Было жуткое въ этомъ преображеніи, жуткое оттого, что страшно быть тамъ, куда пришесть духъ. Если жутко быть только вблизи его, то какъ въ себя принять его!

Она жила однообразной, почти сѣрой жизнью съ внѣшней степенностью, и хотя было очень много знакомыхъ съ нею самыхъ различныхъ и разныхъ людей — она рѣдко, только случайно встрѣчалась съ ними; людей же близкихъ было у нея очень мало. Въ сезонѣ дѣльный день она проводила въ театрѣ! Точно, какъ часы, утромъ приходила на репетицію, часа въ три уходила домой, а въ семь часовъ была опять въ театрѣ. Она была ужасно неприхотлива во всемъ, что касалось жизненныхъ удобствъ и могла работать и работала въ такой обстановкѣ, въ которой нельзя себѣ представить ни одну актрису иностранную. Свою первую роль въ сезонѣ 1907 г. роль Гедды Габлеръ, она учила въ комнаткѣ, въ которой стояла ея постель, туалетный столикъ, и больше ничего нельзя было поставить, а кругомъ былъ шумъ, жизнь маленькой квартиры, въ которой жило еще двое людей и пахло кухней.

Вѣра Федоровна инстинктивно выбирала для себя простое, хотя бы и котѣла иногда

большинхъ внѣшнихъ красокъ, большой торжественности вокругъ себя въ жизни. Черта эта теперь — издала, въ воспоминаніяхъ — во многомъ открывалась, въ разныхъ мелочахъ. Фонъ жизни, которую сложила вокругъ себя Вѣра Федоровна, былъ совсѣмъ не яркій фонъ, — но это оттого, что она слишкомъ остро все переживала, и, истомленная, искала инстинктивно простой жизни, простыхъ будничныхъ людей, общеніе съ которыми не вызывало бы въ ней напряженія. Не почти забавляло жить такъ, какъ жила она, когда учила Гедду Габлеръ.

Когда она бывала среди привычныхъ простыхъ людей и въ простой обстановкѣ, она иногда вдругъ начинала сама походить на милую простую русскую дѣвушку, почти на мѣщаночку, близкую къ Варѣ изъ «Дикарки». Рассказывала что-то скоро-скоро. Захлебывалась, махала руками и смѣялась низкимъ груднымъ смѣхомъ.

Были двѣ черты у Коммиссаржевской, — такія разныя и вмѣстѣ понятныя только въ ней: до дѣтскости пугливая неувѣренность въ себѣ и рядомъ упрямая жажда власти надъ людьми. Всѣ люди, которые съ ней соприкасались, должны были принадлежать ей, только о ней думать, только ее любить. Здѣсь она была ревнива, подозрительна безпрѣдѣльно, и никогда не прощала. Потому такъ — мнѣ представляется — въ ней вмѣстѣ были эти двѣ черты, что была она по природѣ своей той простой, русской дѣвушкой, средни Варѣ «Дикаркѣ», какой бывала, и сходилъ къ ней духъ, большой и тайный, передъ которымъ, она чувствовала, должны склоняться люди на землѣ. Все долженъ оставить и все позабыть человекъ. Она полагала, что можетъ сказать что-то такое людямъ, что сразу измѣнитъ всю жизнь на землѣ. И когда говорила объ этомъ, — нельзя было не вѣрить ей, потому что это была правда.

П. Ярцевъ.